

ВОСПОМИНАНІЯ О М. И. ГЛИНКѢ.

I.

Въ первый разъ я встрѣтился съ М. И. Глинкою у общаго нашего дѣда Ф. С. Кашталинскаго, когда я приѣхалъ въ Петербургъ опредѣляться въ военную службу въ 1825 году. Глинка былъ уже чиновникъ *); былъ онъ маленькой, худенькой, блѣдный, но съ очень пріятною и выразительной фізіономіею. Мы скоро сошлись, и нельзя было не полюбить его сразу: образованный умъ, увлекательный разговоръ, приправленный порядочно долеко юмора, дѣлали бесѣду его желательною. Сначала мы видались рѣдко; разные круги знакомыхъ, разные интересы, насъ разводили; мы встрѣчались только у нѣкоторыхъ родныхъ и особенно въ домѣ кн. Е. А. Хованской, которой сынъ кн. Юрій былъ общимъ нашимъ другомъ. У нягнни Хованской были двѣ прекрасныя дочери **), для которыхъ она, довольно часто, давала танцевальныя вечера, гдѣ мы бывали постоянными кавалерами. Изъ числа молодыхъ людей, усердно подвизавшихся на паркетѣ кн. Хованской, остался на сценѣ свѣта одинъ только Н. И. Бахметевъ, начальникъ

*) Онъ ошибся въ своихъ запискахъ: мы познакомились не въ то время, когда онъ былъ въ пансіонѣ, а когда уже былъ на службѣ и жилъ съ Корсакомъ. П. С.

***) Старшая, Софія Сергѣевна, была замужемъ за С. А. Кокшенинымъ, бывшимъ оберъ-полицмейстеромъ; а младшая, Марія Сергѣевна, за Боговухомъ, сдѣлавшимся потомъ извѣстнымъ своими воинскими подвигами. П. С.

Для этой-то Маріи Сергѣевны — писаны Е. А. Хвостовой тѣ интересныя воспоминанія о Лермонтовѣ, которыя мы недавно издали отдѣльной книгой.

Ред.

придворной капеллы. Я зналъ, что Глинка пьянистъ, но я неподозрѣвалъ, что онъ и композиторъ. Вечера кн. Хованской мнѣ это открыли. Ему пришла мысль написать французскую кадрили для этихъ вечеровъ. Скоро музыка была готова, и Глинка отдалъ ее разучить музыкантамъ, обыкновенно игравшимъ у кн. Хованской; когда она была разучена, то Глинка сдѣлалъ у себя въ квартирѣ пробу. Онъ жилъ тогда на Загородномъ проспектѣ въ деревянномъ домѣ, который и теперь еще цѣлъ. Всѣ мы, пріятели Глинки, собрались слушать и были въ восторгѣ. Въ первый, послѣ того, вечеръ у Хованскихъ мы поѣхали туда съ какимъ-то волненіемъ, музыка Глинки намъ казалась родною. Вотъ раздаются первые аккорды; пары устанавливаются; я предупреждаю мою даму, что будетъ новая отличная музыка контрданса, сочиненная молодымъ композиторомъ. «Да? сказала дама, надо послушать». — Музыка заиграла, пары задвигались, начались разговоры, и дамы слушали не музыку, а рѣчи своихъ кавалеровъ. Музыка прошла незамѣченною. Тѣмъ не менѣе Глинка былъ очень доволенъ: въ первый разъ онъ являлся передъ публикой, и мы имъ гордились.

Судьба не давала намъ сживаться надолго. Мои походы и отлучки изъ Петербурга по службѣ, поѣздки Глинки за границу разлучали насъ на многіе мѣсяцы и годы.

Послѣ турецкой кампаніи 1828 года я опять столкнулся съ Глинкой у Е. Ф. Кошелевой, дочери нашего общаго дѣда. Послѣ обѣда Глинка сѣлъ играть, и исполнивъ нѣсколько пьесъ и фантазій, сказалъ: «Хотите я вамъ спою мой романсъ»? и запѣлъ: «Не искушай меня безъ нужды». Съ того дня каждая нота этой пѣсни жива въ памяти моего слуха.

II.

Глинка уѣхалъ за границу. Уже въ 1834-мъ году, получаю вдругъ отъ него записку, въ которой онъ извѣщаетъ, что возвратился въ Петербургъ, нездоровъ и просить посѣтить его. Я поѣхалъ къ Стунѣву, гдѣ онъ остановился; старыми друзьями мы обнялись и начались рассказы о томъ, что съ нами было въ теченіи разлуки многихъ лѣтъ. Мелькнула маленькая хорошенькая дѣвушка: «кто это»?

— Сестра Стунѣвой, правда что хороша?

— «Да, но она еще дѣвочка».

— Нѣтъ ей уже 17 лѣтъ.

— «Смотри, не женись».

— Вздоръ какой.

Часто сталъ я ѣздить къ Глинкѣ, и почти при каждомъ посѣщеніи являлось что-нибудь неожиданное: то Глинка объявляетъ мнѣ, что пишетъ русскую оперу, и споетъ нѣкоторые мотивы изъ нея; то споетъ новый романсъ, между прочимъ: «Только узналъ я тебя»; то наконецъ объявляетъ, что женится на той, для кого написалъ этотъ романсъ, на Марьѣ Петровнѣ. Я припомнилъ Глинкѣ мое предсказаніе.

Въ 1835 году Глинка женился; вѣнчалъ его о. Маловъ и, по окончаніи обряда, сказалъ привѣтствіе. Между прочимъ онъ говорилъ: «Михаилъ Ивановичъ, ваша жена такъ молода; это едва распустившійся цвѣтокъ, берегите её; холодное дуновеніе или излишній жаръ могутъ погубить её».

Жаль, что онъ ничего не сказалъ въ родѣ этого Марьѣ Петровнѣ.

Глинка зажилъ семейною жизнію. Время дѣлилось между любовью къ женѣ и музыкальными занятіями; у него толпились артисты, которые пробовали и выпѣвали все, что онъ напишетъ новаго; всякой день почти являлся златовласый фебъ, либреттистъ «Жизни за Царя», баронъ Розенъ, господинъ постоянно возбужденный, ненаучившійся говорить по-русски, но писавшій русскіе стихи, иногда недурные.

Разъ привѣзжаю утромъ въ Глинкамъ, и застаю Марью Петровну въ слезахъ.

— Что это, о чемъ вы такъ плачете?

— «Я несчастная, Глинка меня не любитъ».

— Марья Петровна, что вы говорите? да васъ никогда никто такъ не любилъ и не будетъ любить, какъ онъ».

— «Нѣтъ, нѣтъ онъ мнѣ измѣнилъ».

— Для кого, скажите пожалуйста.

— «Для своей... этой ненавистной оперы, онъ ею только занятъ, а меня бросилъ, оставилъ одну».

Я расхохотался, и Марья Петровна скоро утѣшилась. Но бѣда въ супружеской жизни, когда жена начнетъ скучать...

Не помню по какому-то случаю былъ у Глинки обѣдъ: когда я

приѣхаль,—со мною познакомили одного человѣка очень маленькаго роста, котораго я прежде никогда не видалъ; плотный, вполне развитый торсъ на очень короткихъ ножкахъ, завершался прекрасною головою, напоминающей Аполлона Бельведерскаго — это былъ Брюловъ. Насъ посадили рядомъ за столъ, и я не замѣтилъ какъ прошелъ обѣдъ; разговоръ не перерывался, переходя отъ одного предмета къ другому. Говоря о Римѣ, Брюловъ сказалъ: «вначалѣ Римъ покорилъ мечемъ весь извѣстный тогда міръ; потомъ—перевернулъ мечъ къ верху рукояткой, вышелъ крестъ, и крестомъ Римъ завладѣлъ всѣмъ католическимъ міромъ; придетъ время, и Римъ подчинитъ себѣ міръ умственно: политикой, науками, искусствами; не даромъ, по-русски анаграма Рима есть міръ».

Когда давали «Жизнь за Царя», я былъ въ Саратовѣ, но получилъ много писемъ, въ которыхъ мнѣ описывали полнѣйшій успѣхъ Глинки; какъ я жалѣлъ, что не былъ свидѣтелемъ его! Возвратясь, нашелъ Глинку уже капельмейстеромъ и на казенной квартирѣ у Пѣвческаго моста. Онъ былъ въ модѣ, но не охладѣлъ къ прежнимъ своимъ друзьямъ. Утромъ его рѣдко можно было найти дома, онъ былъ или въ капеллѣ, или въ разѣздахъ; но почти всегда обѣдалъ дома, и въ первое время, часто проводилъ вечера семейно. По четвергамъ бывали у него рауты, на которыхъ постоянными посѣтителями бывали Стунѣевы, Петровъ, Воробьева, М. Л. Яковлевъ, Брюловъ, Кукольникъ, Ломакинъ; а затѣмъ одни—смѣнялись другими. Комнаты всегда были наполнены, и въ нихъ лица высшаго круга перемѣшивались съ артистами и прочими гостями. Не танцовали, въ карты не играли, но разговаривали и музыканили. Пѣли соло и *motseaux d'ensemble*. Часто послѣдніе составлялись внезапно, безъ подготовки. Глинка выбиралъ какую-нибудь пѣсню или подходящій романсъ, раздавалъ голоса: себѣ — тенора, Петрову — баса, сопрано — своей женѣ, или, если случится, лучшей пѣвицѣ, контральта — Воробьевой или Стунѣевой, и сразу пѣніе шло отлично. Такимъ образомъ спѣтъ былъ, безъ подготовки, въ два голоса романсъ «Прости меня, прости». Кажется Стунѣева спѣла его сперва одна, потомъ Глинка, а *la prima*, спѣлъ его съ нею держа второй голосъ. Въ послѣдствіи онъ нотировалъ этотъ дуэтъ, который о сию пору поется. На этихъ же вечерахъ М. Л. Яков-

левъ въ первый разъ прекрасно спѣлъ свой романсъ: «Когда душа просилась ты», къ которому Глинка также подобралъ второй голосъ. Пьесы бывали исключительно русскія; помню одну цыганскую пѣсню, которую удачно пѣла Стунѣва: «Ахъ, когда-бъ я прежде знала». Изъ итальянскихъ пѣли только три: Петровъ — *Vi gavviso*; Глинка — *Raggio d'amor* и *Una fugitiva lagrime*; французскихъ и нѣмецкихъ — никогда. Обворожительно было слушать, когда Петровъ и Воробьева своими свѣжими и великолѣпными голосами исполняли какіе-нибудь романсы Глинки. Никогда не могутъ забытья: «Только узналъ я тебя» и «Сто красавицъ свѣтлоокихъ» пропѣтое Воробьевою.

Глинку командировали для набора голосовъ; когда онъ возвратился съ своимъ пѣвческимъ грузомъ, тотчасъ приѣхалъ ко мнѣ, чтобъ похвастать найденнымъ имъ Артемовскимъ. Онъ заставилъ его пѣть, и Артемовскій началъ съ тогдашняго своего вонька: «Погасло дневное свѣтило»; голосъ былъ свѣжій и огромный; но ни малѣйшей манеры и слова выговаривалъ отчаянно. Онъ нерѣдко произносилъ вмѣсто свѣтило — свѣтрило. Досадно было, хотѣлось восхищаться, а смѣхъ принималъ. Но голосъ его былъ такъ могучъ, что на другой день генераль Моллеръ, жившій надъ моей квартирой, спросилъ у меня: «Кая это пушка у васъ вчера ревѣла?»

III.

Глинка зажилъ по прежнему, но уже прежнее счастье миновало. Онъ сдержанно описываетъ свои домашнія дразги; онъ же былъ таковъ, что домъ ему опротивѣлъ; онъ безпрестанно отлучался, иногда пропадалъ по цѣлымъ днямъ и наконецъ совсѣмъ переселился въ Кукольникамъ. Онъ описываетъ подробно, и даже, кажется, съ любовью вечера у братьевъ Кукольниковъ, но не говорить, что самъ оживилъ ихъ. Разъ въ недѣлю, кажется по средамъ, собиралось тутъ большое общество, такъ что студевъ не хватало въ трехъ комнатахъ для всѣхъ посѣтителей, и густая толпа тѣснилась или медленно двигалась взадъ и впередъ. Сюда сходились редакторы журналовъ и газетъ, цѣховые литераторы и кандидаты на это званіе; профессора академіи и художники ищущіе извѣстности, актеры, книгопродавцы, издатели, типографщики, словомъ все, что принадлежало къ ли-

тературѣ и художествамъ. Составлялись вучки по два, по три и болѣе человѣка, всѣ разомъ говорили или громко или въ полголоса; тутъ составлялись сдѣлки, дѣлались заказы, подряды, заключались условія, наступательные и оборонительные союзы; затѣвались предпріятія; словомъ — настоящая литературная и художественная биржа. Одинъ разъ взглянуть на этотъ базаръ, было любопытно; но для непричастнаго къ подобнымъ дѣламъ, постоянное посѣщеніе этихъ вечеровъ было невыносимо скучно. Съ переселеніемъ Глинки, у Кукольниковыхъ стало пріятнѣе. Обыкновенно Глинка уходилъ въ угловую комнату и садился за фортепьяно, игралъ и пѣлъ. Людей дѣловыхъ не заманишь никакой музыкой, и потому около Глинки составлялся небольшой кружокъ съ наслажденіемъ вслушивающихся въ его пѣніе. Въ это время голосъ Глинки уже поглубѣлъ, это былъ скорѣе теноръ и высокія ноты онъ выкрикивалъ; но—вѣрность, манера, умѣнье, чувство въ высшей степени, выраженіе потрясающее — все это дѣлало то, что къ нему можно примѣнить слова изъ его романа: «Все слушалъ-бы, слушалъ и слушалъ тебя.»

Какъ скучны были вечера Кукольниковъ, такъ напротивъ веселы были ужины; оставались не болѣе 8 или 9 человѣкъ. Усталые садились за столъ, кому было жарко, снималъ верхнюю одежду; подавали два самыхъ простыхъ блюда, и много хереса и краснаго вина. Тутъ сыпались остроты, насмѣшки, велись споры, раздавались смѣхъ и пѣсни. Несторъ Кукольникъ, на все кропавшій стихи, сочинялъ куплеты на присутствующихъ и отсутствующихъ: стихи были, большою частію, плохенькіе, но они смѣшили и охотно распѣвались. Помню два куплета:

Офицеръ Булгаковъ,
Ночью въ три часа,
При сняманьи фраковъ
Тянетъ хереса.

Яковъ Федосѣичъ *)
Въ жаждѣ всегда,
Тянетъ Ерофеичъ
А ромъ иногда и проч.,

Надо правду сказать, что шутки тонкой, требующей вкуса и

*) Яненко.

остроумія, на этихъ вечерахъ бывало не услышишь; за то безпрестанно раздавались забавныя пошлости, заставлявшія хохотать до упаду.

Я былъ въ отсутствіи, когда Глинка въ первый разъ перешелъ на мою квартиру въ 1839 году. Возвратясь въ декабрь, я засталъ въ дружномъ кружкѣ брата Николая, Глинку, С. Муравьева и еще кого-то; они распивали чай, курили и весело бесѣдовали; но квартира моя была въ такомъ беспорядкѣ, что потребовалось нѣсколько дней, чтобъ ее отчистить и устроить. Глинка пишетъ, что не было у насъ инструмента, но онъ забылъ, что у меня разыгрывалъ Баха и сочинялъ; на чемъ-же? не на тарелкѣ же, съ помощію вилки. Вскорѣ по приѣздѣ, разъ вижу, что Глинка, отпивши утренній чай, въ историческомъ своемъ тулупчикѣ подходитъ къ клавибордамъ и начинаетъ что-то играть по нотамъ. Вслушиваюсь: какіе-то гармоническіе аккорды, но очень однообразно. «Что ты игралъ?» спросилъ я у Глинки, когда онъ кончилъ. — «Фуги Баха». — «Аа!!» — На другой день тоже; слушаю съ большимъ вниманіемъ. На третій, четвертый, и всякій день одно и тоже; надоѣло до-нельзя.

— «Твой Бахъ прескучный господинъ», говорю я Глинкѣ.

— «*Mon cher, c'est parce que Vous êtes un ignorant dans l'art musical.*»

— «Согласенъ, но и ты согласишься, что красоты Баховскихъ фугъ не натуральныя, но чисто условныя, искусственныя. Музыка естественная нравится всѣмъ; а музыка условная, только посвященнымъ въ ея таинства».

— «Что такое натуральность въ музыкѣ? звуки тогда естественны, когда они вѣрно выражаютъ идею или чувства композитора; высокія идеи Баха, самымъ отчетливымъ образомъ выразились въ простыхъ аккордахъ его фугъ. Тебѣ эти идеи недоступны — я въ этомъ не виноватъ».

Если не самыя слова, то сущность этого разговора вѣрно сохранилась въ моей памяти.

Въ короткое время пребыванія у меня Глинка написалъ два романа: «Ночной зефиръ струитъ эфиръ», и «Въ крови горитъ огонь желанья». Романы эти слушались съ наслажденіемъ пріятелями, которые у насъ нерѣдко бывали; чаще всѣхъ приходилъ Брюловъ съ вѣчнымъ своимъ спутникомъ Яненко; они

всегда оставались обѣдать, а иногда и ночевали; потомъ С. Муравьевъ, гр. Аркадій Кутузовъ, Ѳ. Іохимъ — живописецъ, и многіе другіе, которыхъ и не вспомнишь.

Одинъ разъ собралось довольно народу; между прочими—измайловскаго полка флигель-адъютантъ Копьевъ, самъ пѣвецъ и музыкантъ, и юный кн. Кастріото-Скандербекъ, юнкеръ егерскаго полка, страстный къ музыкѣ, впоследствии самъ композиторъ, и въ первый разъ удостоившійся видѣть и слышать Глинку. Михаилъ Ивановичъ былъ въ ударѣ, онъ пѣлъ и съ другими и одинъ невыразимо хорошо. Не помню какой именно романсъ пѣлъ онъ; но когда кончилъ, мы увидѣли, что бѣдный мальчикъ Кастріотъ поблѣднѣлъ и былъ близокъ къ обмороку: его отпрыскали холодной водой. Не одинъ этотъ разъ, впоследствии, мнѣ случалось бывать свидѣтелемъ потрясающаго дѣйствія, которое производило пѣніе Глинки на людей слабонервныхъ.

Онъ со мною былъ всегда очень откровененъ, повѣрялъ мнѣ свои душевныя тайны, и мнѣ въ подробности были извѣстны его отношенія къ Е. Е. К...нѣ. Но я всегда былъ убѣжденъ, что эта привязанность исходила не отъ глубокаго чувства, а зародилась и воспитывалась воображеніемъ. Семейное свое несчастіе онъ искалъ заглушить какою-нибудь привязанностію, и я подозрѣваю, что сочувствіе къ блѣдной, интересной дѣвушкѣ, вмѣстѣ съ данью уваженія къ ея уму и образованности—онъ принялъ за любовь. Такъ мнѣ всегда казалось, и я не опасался за послѣдствія этой quasi-любви; подорванная обидчивостію и недоразумѣніемъ она легко рушилась и Глинка передалъ мнѣ все, что у него отъ этой любви оставалось.

Скоро приѣхала мать Глинки и онъ переселился къ ней, оставя мнѣ на прощанье первыя идеи Руслана, записанныя въ тетрадкѣ *). Кромѣ личныхъ качествъ Глинки, этой теплой, дѣтски-доброй души, какъ выражается сестра его Людмила Ивановна, кромѣ геніальности Глинки — меня къ нему еще сильнѣе привязывали его родные. Какая прекрасная особа была его мать Евгенія Андреевна! Всякаго, кто только любилъ ея сына, она уже считала сво-

*) Благодаря обязательности уважаемаго автора настоящихъ «Воспоминаній», сущность заветной тетрадки передана въ «Русской Старинѣ», въ статьѣ В. В. Стасова: «Первоначальный планъ оперы «Русланъ и Людмила» (т. III, стр. 367 — 384).
Ред.

имѣ; какъ она насъ ласкала, баловала! въ ея домѣ было такъ отрадно, что забывались всѣ обыденные недочеты, и сердце отогревалось отъ жизненныхъ морозовъ...

Я продолжалъ часто видаться съ Глинкою. Одинъ разъ поздно вечеромъ шелъ я по Невскому; вижу, на встрѣчу мнѣ идутъ два маленькіе человѣка; когда лучъ фонаря освѣтилъ ихъ лица, я узналъ Глинку и Брюлова.

— Куда вы? .

— «Къ Пастѣ, пойдемъ съ нами».

— Идемъ.

Пришелъ къ Пастѣ и Кукольникъ, и еще нѣсколько человѣкъ; Глинка и она пѣли попеременно и вмѣстѣ. Голосомъ уже отпѣтымъ, но вѣрнымъ и выработаннымъ, она все еще могла доставлять много наслажденія. Ужинъ былъ хорошій и вино отличное, изъ англійскаго магазина. Кукольникъ, которому вездѣ надо было вставить стишокъ, къ концу ужина произнесъ:

Да здравствуетъ Паста и Глинка,

Да здравствуетъ Никольсъ и Плинке *).

Припѣвъ этотъ долго сохранялся въ Кукольниковскомъ кружкѣ.

Глинка говоритъ, что я огорчился тѣмъ, что онъ поселился у Кукольниковъ, а не у насъ, и переманилъ его къ себѣ. Не помню, можетъ быть и такъ было; никакого нѣтъ сомнѣнія, что для меня отрадна была его ежедневная бесѣда; но я думаю также, что мнѣ не очень нравилось общество, въ которомъ онъ вращался. Несторъ Кукольникъ былъ, конечно, человѣкъ талантливый, съ артистическимъ чувствомъ и могъ Глинкѣ заявлять хорошія мысли въ художественномъ отношеніи: но остальные господа, несмотря на все ихъ благодушіе, не могли окружать его здоровою атмосферою.

Во второй разъ Глинка переѣхалъ ко мнѣ, еще не вполне оправаясь отъ болѣзни, въ 1841 году. Когда онъ прошелся по комнатамъ, то вдругъ остановился и сказалъ:

— «*Mon cher, tu dois avoir du cinabre dans tes couleurs?*»

— Разумѣется, отвѣчалъ я, не только киноварь, но и другія ядовитыя краски есть, а тебѣ зачѣмъ это?

— «Я лечусь гомеопатіей и всякія ядовитыя частицы очень дѣйствуютъ на мои нервы; пожалуйста, спрячь подальше».

*) Фирма англійскаго магазина.

Я исполнилъ его желаніе, завернулъ плотно въ бумагу несчастныхъ изгнанницъ и упряталъ ихъ въ другую комнату, поглубже, подальше. Глинка успокоился.

Мнѣ случается нѣсколько разъ употреблять французскія фразы, это отъ того, что Глинка очень любилъ говорить по-французски; я записываю слова такъ, какъ они врѣзались въ моей памяти. Вообще онъ очень хорошо говорилъ на многихъ языкахъ, въ послѣдствіи даже на испанскомъ; но никакъ не могъ совершенно очистить своего русскаго языка отъ смоленскаго выговора; такъ, напримѣръ, онъ говорилъ: бушмакъ, самываръ, пумада и проч.

IV.

Съ первыхъ же дней переѣзда, Глинка усиленно занялся «Русланомъ». Обыкновенно въ 11-ть часовъ я уѣзжалъ со двора и возвращался въ два. Глинка, весь въ себѣ сосредоточенный, въ творческой работѣ, ходилъ по комнатамъ; я старался пройти не отвлекая его, и потомъ всматривался: то онъ подойдетъ къ фортепьяно, возьметъ нѣсколько аккордовъ, спѣшитъ въ свою комнату и скоро пишетъ на большихъ нотныхъ листахъ, разложенныхъ по его столу; опять ходитъ, опять записываетъ, часто безъ пособія инструмента. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока совсѣмъ стемнѣетъ, и тогда утомленный, онъ ложился и жаловался на боль и усталость. Обѣдъ восстанавливалъ его силы, и вечеромъ онъ бывалъ, подчасъ, веселъ и разговорчивъ. Тѣже прежніе пріятели насъ посѣщали, особенно Брюловъ и Яненко.

Странныя были отношенія Глинки и Брюлова; повидимому они были очень дружны, не только не избѣгали, но искали другъ друга. Брюловъ восторгался музыкою Глинки; этотъ благоговѣль передъ живописью перваго; но въ душѣ они не любили другъ друга. Глинка, вообще нелюбившій злословить, иногда съ горечью отзывался о характерѣ и нравственныхъ недостаткахъ Брюлова; этотъ, въ свою очередь, не упускалъ случая зло подсмѣяться надъ Глинкой, конечно больше заглазно; но иногда, подъ веселый часъ, и въ глаза. Не была же это зависть, это невозможно, они шли разными путями, столкновеній между ними никакихъ не было; гдѣ же причина? полагаю, что въ психическомъ ихъ устройствѣ. У обоихъ горѣлъ огонь гениальности, но между ними была существенная разница: Брюловъ жилъ

воображеніемъ, умомъ и расчетомъ; Глинка жилъ воображеніемъ и чувствомъ. Глинка весь высказывался, его думы и чувства не были затаенными для друзей; Брюловъ не всегда говорилъ то, что думалъ и чувствовалъ; Глинка былъ, какъ самъ онъ говорилъ, *timosa*; Брюлова—трудно было расшевелить. Часто видалъ я у Глинки слезы на глазахъ, у Брюлова же, одинъ только разъ въ жизни, видѣлъ я какъ слеза повалилась изъ глазъ.

Хотя и отвлекусь отъ главнаго предмета, но не могу не рассказать, какъ это случилось. Брюлову понравилась старшая дочь Яненко. Онъ сталъ ходить къ нему ежедневно, и оставался по цѣлымъ днямъ, высккивая случая быть съ нею наединѣ. Яненко это замѣтилъ, и, какъ ни былъ привязанъ къ старому своему товарищу, но дочь любилъ больше. Зная, что Брюловъ неразборчивъ въ средствахъ къ достиженію цѣли, зная, что змѣемъ-искусителемъ онъ умѣетъ подползать къ женщинѣ—Яненко рѣшился отдѣлаться отъ Брюлова. Разъ засталъ онъ его одного въ комнатѣ съ дочерью, напѣвшаго ей любезности, накинулся на него и, послѣ горячаго разговора, выгналъ его изъ дома, съ тѣмъ, чтобъ онъ впредь глазъ не показывалъ. Не зная ни о чемъ, недѣлю спустя послѣ этого происшествія я поѣхалъ работать въ мастерскую Брюлова. Его не было, сказали что боленъ; на вопросъ мой можно ли видѣть? пошли спросить у него. Скоро онъ спустился съ антресолей, блѣдный, разстроенный, въ рабочей зеленой фланелевой курткѣ.

— Что съ вами, вы должны быть очень больны?

— «Не боленъ, а душевно страдаю».

— Что съ вами случилось?

— «Пойдемте, я вамъ расскажу».

Мы пошли въ другую комнату, и тутъ онъ мнѣ рассказалъ свой разрывъ съ Яненкою, конечно оправдывая себя и страшнымъ образомъ браня Яненко, до того, что осмѣлился гнусно оклеветать жену Яненко, всѣми уважаемую за ея высокія душевныя качества, осмѣлился мнѣ въ глаза сказать, что Бетси дочь моего отца.

Я остановилъ его и сказалъ ему, что онъ лжетъ; но онъ возразилъ: «Хорошо, можетъ быть это и неправда, но все-таки у такого отца не можетъ быть такой дочери».

— Отчего же вы не сказали, что хотите на ней жениться?

— «Жепитесь, чтобъ имѣть тестемъ таковаго отца!»

— Какое вамъ дѣло до отца; выходить, что вы недостаточно любите дѣвушку

— «Я не люблю! я! (обѣими руками онъ схватилъ мою руку), да вы понять не можете, какъ я ее люблю».

И тутъ я увидѣлъ глаза его полные слезъ. Онъ закрылъ лицо руками и отошелъ въ сторону. Это случилось въ то время, когда уже Глинка уѣхалъ за границу. Яненко и Брюловъ уже съ тѣхъ поръ никогда не сходились.

Мы продолжали жить спокойно. Глинка сильно работалъ. Мнѣ очень хотѣлось-бы описать его, какимъ онъ былъ въ то время, такъ, чтобъ никогда не видавшие его могли бы составить себѣ о немъ ясное понятіе. Онъ былъ очень небольшого роста, худощавый; блѣдное овальное лицо овалмлялось круглыми черными бакенбардами; черные прямые волосы обрамляли прекрасный лобъ безъ малѣйшихъ морщинокъ; только между бровей шла небольшая морщинка—черта мысли. На правой сторонѣ лба торчалъ несокрушимый вихоръ; каріе глаза изъ-подъ нависшихъ вѣкъ смотрѣли привѣтливо и выразительно; выражали они постоянно доброту, иногда они сверкали веселостію и загорались вдохновеніемъ. Голову онъ держалъ немного назадъ, грудь выставлялъ впередъ; ходилъ приподымаясь слегка на носки; одѣвался просто, но опрятно; сюртукъ и фракъ застегивалъ на всѣ пуговицы. При встрѣчѣ съ незнакомымъ или непріятнымъ ему человѣкомъ, былъ холоденъ, щурилъ глаза и говорилъ неохотно. Съ людьми по сердцу—любилъ поговорить и посмѣяться, когда былъ въ духѣ; тутъ являлась незлобная насмѣшка, которой самъ отъ души смѣялся; какое-нибудь передразниванье, шуточные фразы, которыя онъ очень любилъ; такъ, напримѣръ, ему понравилась гдѣ-то слышанная имъ фраза, которую онъ не рѣдко повторялъ при случаѣ: «богомерзкая и человѣкопротивная фізіономія.» Это онъ выговаривалъ ударяя на о, окая. Онъ любилъ похвастать крѣпостію своихъ мускуловъ и часто напрягая плечевой, говорилъ: «ударь... покрѣпче... каково? это просто желѣзо!»—Правда, что мускулы его были крѣпки, но силы у него не было; и когда случалось ему похвастаться, въ шутку, какимъ-нибудь физическимъ удалствомъ, то говорилъ, что онъ

это сдѣлалъ: «не силою, а ухищреніемъ злобы», припоминая своего профессора Колмыкова.

Рѣдко пускался онъ въ разговоры политическіе и философскіе, но придерживался больше окружающей сферы, воспоминаніямъ и музыкѣ: тутъ говорилъ онъ съ одушевленіемъ и властію.

Несмотря на то, что Глинка былъ уже уволенъ въ отставку, его не забыли; разъ вечеромъ довлѣдываютъ, что меня спрашиваетъ придворный лакей. Я вышелъ; камеръ-лакей спросилъ у меня-ли проживаетъ г-нъ Глинка?

— Да.

— «Я проискалъ его весь вечеръ. Ея величество приглашаетъ г-на Глинку сегодня на музыкальный вечеръ.»

Я сказалъ, что мнѣ неизвѣстно дома-ли онъ, и что я пойду и узнаю.

Глинка оказался въ крайне затруднительномъ положеніи. Якова, слуги его, не было дома, а у него весь гардеробъ Глинки, даже неизвѣстно, есть ли на лицо бѣлыя перчатки? Подумали, и Глинка рѣшилъ, что ему ѣхать безъ Якова невозможно. Я пошелъ сказать посланному, что Глинки нѣтъ дома и неизвѣстно, гдѣ находится.

V.

Надо сказать нѣсколько словъ и объ Яковѣ Ульяничѣ. Это былъ типъ стариннаго дядьки, лѣтъ около 50-ти, съ желтымъ лицомъ, волосами съ просѣдью, съ выставившеюся верхнею губою; держалъ спину немного согнутою, а голову выставлялъ впередъ. Обычно серьезный, иногда онъ позволялъ себѣ съострить, и тогда лукаво ухмылялся подымая брови къверху, что онъ всегда дѣлалъ при какихъ-нибудь особенныхъ ощущеніяхъ; говорилъ сиповатымъ баритономъ, отрывисто. Онъ былъ владыка матеріальной жизни Глинки; всѣ жизненные потребности были на его рукахъ. Глинка ничего не зналъ о своемъ платьѣ, бѣльѣ, обуви. Яковъ только спрашивалъ, какое платье надѣнетъ баринъ, и надо отдать ему справедливость, все было въ порядкѣ и одежда тщательно вычищена. Деньги были также у него; уѣзжая со двора, Глинка бралъ у него или нѣсколько мелкой монеты или рублей. Записывалъ-ли Ульяничъ расходъ — этого я не знаю; да и вообще не знаю, велась-ли у нихъ отчетность и контроль. Знаю только, что иногда Яковъ приходилъ и говорилъ: «Михаилъ Ивановичъ,

надо въ матушкѣ писать, денегъ нѣтъ». Онъ такъ слилъ себя съ бариномъ, что иначе не говорилъ какъ: «наше Ново-Спасское, наша опера, наши сестры». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ большой сплетникъ: цѣлый день почти шатаясь по городу, онъ приносилъ и передавалъ Михаилу Ивановичу все, что слышалъ и что могло-бы его интересовать.

Разъ въ исходѣ дня, помнится на страстной недѣлѣ, сидѣли мы съ Глинёй дома, каждый въ своемъ углу, и помалчивали; вдругъ входитъ Яковъ и говоритъ:

— «Михаилъ Ивановичъ, честь имѣю поздравить!»

— «Съ чѣмъ, Ульянычъ, кажется еще рано».

— «Марья Петровна замужъ вышла».

Мы остолбенѣли. Комичная фигура Якова Ульяныча, въ сумеркахъ, произносящая эти страшныя слова, имѣла въ себѣ что-то Шекспировское. Мы-было не повѣрили, но Яковъ подробно разсказалъ, какъ Марья Петровна съ конно-гвардейскимъ офицеромъ Васильчиковымъ уѣхала въ Аполье и тамъ обвинчалась. Крайне смутило это бѣднаго Глинку; онъ долго ходилъ въ раздумьи и наконецъ спросилъ у меня:

— «Имѣю ли я право держать солдата въ передней?»

— «Зачѣмъ это?»

— «Видишь-ли, Марья Петровна вступила въ незаконный бракъ, который дѣлается законнымъ, когда меня не будетъ; понялъ?»

— «Понимаю, но тебѣ нечего опасаться; трудно постороннему совершить злой умыселъ въ казармахъ, набитыхъ биткомъ военными обитателями; да и ко мнѣ въ квартиру трудно забраться: съ передняго входа не иначе, какъ черезъ посредство волоколичика, а съ чернаго, гдѣ всегда много людей, никого безъ доклада не пропустятъ».

На этотъ счетъ Глинка успокоился, но озабоченность не покинула его.

На другой день онъ отправился за совѣтами къ знакомымъ ему дѣльцамъ и возвратился съ рѣшеніемъ искать развода. Вслѣдъ затѣмъ онъ уѣхалъ къ своей матери просить ея совѣта и благословенія.

VI.

Когда давали «Руслана и Людмилу» я находился въ командировкѣ въ Петергофѣ, но, конечно, пріѣхалъ на первое предста-

вленіе. Не могу отчетливо выразить перваго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ театра. Когда я возвратился домой, я былъ въ какомъ-то туманѣ; мнѣ казалось, какъ будто я самъ участвовалъ во всей этой волшебной суматохѣ; звуки толпились въ головѣ, а въ воображеніи закрѣпились фантастическія картины. До такой степени музыка была вѣрна своей задачѣ. Въ послѣдующіе разы, я уже спокойнѣе всматривался, и пробовалъ отнестись къ оперѣ критически: нѣтъ почти ни одного человѣка, какъ-бы ни былъ мало свѣдуещъ въ предметѣ, который не позволилъ-бы себѣ обсуживать этотъ предметъ съ своей точки зрѣнія. Я вынесъ то убѣжденіе, что, увы! Глинка былъ очень несчастливъ въ своихъ либретистахъ. Въмѣсто помощи они ему только портили; прекрасно задуманную драму, либретистъ Руслана искрошилъ на явленія, неимѣющія между собою никакой связи, никакого логическаго права существованія. Если-бы эта пьеса была выражена стихами, прозой или музыкой кѣмъ-нибудь другимъ, только не Глинкой, то она пала бы съ перваго представленія. Но музыка Глинки сильна всякою текстъ возвести до высшаго изящества.

За ужиномъ въ этотъ вечеръ кто-то шутя сказалъ, что Булгаринъ пишетъ статью, въ которой доказываетъ, что Глинкѣ въ его сочиненіяхъ очень помогаетъ его слуга Яковъ Ульяновъ, человѣкъ съ огромнымъ талантомъ. И это подтверждается тѣмъ, что Ульяновъ самъ проговаривается и называетъ оперы слывшія за Глинкины: «наша опера». Надо было видѣть бѣшенство Якова. Онъ объявилъ, что завтра же идетъ къ Булгарину и въ лицо назоветъ его «мошенникомъ и подлецомъ»; брови его безпрестанно хлопали къверху, насилиу его переувѣрили и успокоили.

Снятіе маски съ Глинки произошло такимъ образомъ: Яненко завелъ у себя фотографическую аппаратъ, что было тогда новостью. Сходились къ нему сниматься. Кажется и Глинка позировалъ, но неудачно. Предложили Глинкѣ снять съ него маску, на что онъ и согласился. Ему намазали лицо и волосы масломъ, въ носъ вложили трубки и залили лицо жидкимъ гипсомъ. Черезъ нѣсколько минутъ гипсъ высохъ и маска отпечаталась совершенно удачно. Братъ Николай, который при этомъ участвовалъ, не преминулъ воспользоваться случаемъ для карикатуры. Маску я взялъ себѣ и вылѣпилъ по ней бюстъ Глинки, плохо сработанный, потому что это былъ одинъ изъ первыхъ моихъ

опытовъ въ лѣпкѣ, но очень похожій, и къ тому единственный существующій бюстъ его и по настоящее время. Куда дѣвалась форма — не знаю; но возобновить бюстъ можно только отливкою новой формы съ моего бюста.

Послѣ этого вечера мы надолго разстались съ Глинкой, онъ уѣхалъ за границу, и уже въ 1847-мъ году я увидѣлъ его въ Киссингенѣ. Тамъ пилъ воды штабъ-офицеръ путей сообщенія Комаровъ, съ котораго мнѣ удалось сдѣлать очень удачный портретъ. Комаровъ былъ такъ имъ доволенъ, что рѣшился ѣхать, по окончаніи своего курса, въ Парижъ, чтобы тамъ его налитографировать. Передъ отъѣздомъ онъ спросилъ у меня, не дамъ ли я какого-нибудь порученія въ Парижъ? Я отвѣчалъ, что мнѣ ничего не нужно; «но, прибавилъ я шутя, еслибы вы въ Парижѣ нашли Глинку, который долженъ теперь быть тамъ, то пожалуйста привезите его сюда». — «Слушаю-съ». Я и забылъ объ этой шуткѣ; но вотъ одинъ разъ, въ глухую ночь, когда всѣ водопійцы и я съ ними крѣпко спали въ ожиданіи раннего пробужденія, — слышу сильный стукъ въ наружную дверь моей квартиры. Слышу, голосъ служанки изъ окна верхняго этажа спрашиваетъ: Was wollen Sie? — «Русскаго полковника». — «Онъ спитъ». — «Очень нужно, отворите». — Щелкнулъ замокъ въ наружныхъ дверяхъ, потомъ отворилась дверь моей комнаты, и при свѣтѣ выставленной кѣмъ-то, впередъ, свѣчи, я увидѣлъ нѣсколько фигуръ; прежде всего узналъ Комарова, который произнесъ: «Я исполнилъ ваше приказаніе, привезъ Михаила Ивановича». — Я вскочилъ какъ былъ и бросился на шею Глинки; вслѣдъ за первымъ заявленіемъ радости, онъ мнѣ представилъ своего неразлучнаго спутника, донъ-Педро-Ноласко-Фернандецъ. Комаровъ ушелъ, а мы съ Глинкой просидѣли до разсвѣта въ разсказахъ о всемъ томъ, что съ нимъ было со дня разлуки.

Я отправился къ источнику, а Глинка и донъ-Педро пошли отъискивать квартиру, и нашли удачно. Отдохнувъ послѣ утренней водяной службы, я пошелъ къ нимъ; у нихъ было фортепьяно, донъ-Педро досталъ гитару и они начали музыкой вспоминать Испанію. Тутъ въ первый разъ слышалъ я Хоту. Глинка блистательно исполнилъ на фортепьяно, д. Педро ловко выбиралъ струны на гитарѣ, а въ иныхъ мѣстахъ подплясывалъ — музыка вышла очаровательная.

Глинка прожилъ дней пять въ Киссингенѣ и уѣхалъ въ Россію.

Въ 1848 году осенью я получилъ повѣстку отъ Глинки, что онъ приѣхалъ, и тотчасъ-же я отправился къ сестрѣ его Е. И. Флѣри, у которой онъ остановился. Послѣ обыкновенныхъ разговоровъ, Глинка пропѣлъ мнѣ новое свое произведеніе Пѣснь Маргариты. Сначала мнѣ она не очень понравилась, но потомъ я понялъ, какъ въ ней вѣрно музыка выражаетъ слова: Глинка предвкусилъ Вагнера; да, впрочемъ, и вообще во всѣхъ его произведеніяхъ музыка идетъ въ смыслѣ рѣчи, а не въ разладъ съ нею. Для Глинки, по моему, идея Вагнера не есть нововведеніе. Потомъ Глинка спѣлъ мнѣ: «Слышу-ли голосъ твой». Когда онъ пропѣлъ, я спросилъ: а дальше что?

— «Все».

— «Романсъ какъ будто незаконченъ».

— «Того-то я и хотѣлъ, чтобъ онъ не кончался; вѣдь тѣмъ не кончается, что на шею кинешься».

Романсъ кончается словами: «И такъ на шею въ тебѣ-бѣ я кинулся».

Глинка вспоминаетъ, что 24-го ноября онъ праздновалъ именины Е. М. Коніаръ. Мы вмѣстѣ провели этотъ день у г-жи Палибиной, которая у себя угощала брата своего кн. Кастріота, родственниковъ жены его Коніаровъ и другихъ знакомыхъ.

Вечеръ прошелъ въ музыкѣ и Кастріото пригласилъ все общество на другой день, въ четвергъ, къ себѣ на вечеръ. И съ этого дня пошла у него цѣлая серія музыкальныхъ вечеровъ. Онъ, выйдя въ отставку изъ гвардіи, поселился въ деревнѣ, гдѣ исключительно занялся музыкой, ѣздилъ за границу, женился въ Варшавѣ, обзавелся дѣтьми и приѣхалъ въ Петербургъ заявить себя въ музыкальномъ мірѣ; музыка его нравилась и особенно нѣкоторые изъ его романсовъ. На вечерахъ у Кастріото постоянно бывали Глинка, Даргомыжскій, Монюшко, тогда еще начинавшій, Рубинштейнъ, можно сказать еще мальчикъ, но и тогда уже съ огромнымъ талантомъ. Посѣтителями бывали всевозможные любители, между прочими, кн. Одоевскій, гр. Віелегурской, Дамке—музыкальный критикъ и др. Музыку исполняли сами сочинители, пѣвицы и пѣвцы любители, между прочими—Билибина; но совершеннѣе всѣхъ—Е. М. Коніаръ. Свѣдущіе люди гово-

рили, что голосъ ея насилуванъ, что изъ естественнаго контральта она вытянула мецо-сопрано, что это въ особенности замѣтно въ верхнихъ нотахъ. Но, такъ понимать исполняемое, такъ выражать то, что поняла — не могла ни одна слышанная мною пѣвица. Ея пѣніе приводило въ трепетъ, дрожь пробѣгала по жиламъ, въ жаръ бросало. Когда, аккомпанируемая Глинкою, она пѣла его: Ты скоро меня позабудешь, съ одной дамой сдѣлалось дурно; Дамке вышелъ въ другую комнату, чтобъ не видѣли его смущенія. Когда она кончила — не было аплодисментовъ и одобреній — глубокое сосредоточенное молчаніе. Глинка всталъ и сказалъ:

— «Après vous, je ne chanterai plus cette romance».

Кромѣ сочиненій наличныхъ композиторовъ пѣли Мендельсона: особенно удачно шли отрывки изъ Paulus.

Вечера Кастріото породили другіе вечера, на которые съѣзжались тѣ же художники, а изъ посѣтителей нѣкоторые прежніе выбывали, а новые являлись и, такимъ образомъ, одно и то же общество сходилось нѣсколько разъ въ недѣлю. На одномъ изъ послѣднихъ вечеровъ Кастріото, очень многолюдномъ, дамы, восторженныя отъ Глинки, нарѣзали вѣтки съ лавровъ и миртъ, стоявшихъ въ комнатахъ, сплели вѣночекъ и въ то время, когда онъ пѣлъ: «Прощайте милые друзья», подошли къ нему толпой и надѣли на него вѣночекъ, въ которомъ онъ оставался и за ужиномъ.

Счастливое было время! именно счастливое, потому что врядъ ли когда еще сойдутся столько замѣчательныхъ русскихъ талантовъ по музыкѣ, и потому, что наслажденіе, доставляемое этими вечерами, было высоко-эстетическимъ наслажденіемъ. Внѣ атмосферы звуковъ, въ которой мы тогда жили, для насъ ничто не существовало: мы забыли жизнь городскую, свои житейскія дѣла, мы жили музыкой.

VII.

Скоро опять я надолго разстался съ Глинкой: я получилъ назначеніе внѣ Петербурга, и увидѣлся съ нимъ опять уже не задолго до послѣдняго его отъѣзда въ Берлинъ, въ 1855-мъ году. Когда я опять основался въ Петербургѣ, Глинка приѣхалъ ко мнѣ и я былъ у него нѣсколько разъ. Онъ тогда жилъ съ Л. И. Шестаковой, въ Эртелевомъ переулкѣ. Я былъ пораженъ уви-

дѣвъ его послѣ многолѣтней разлуки. Онъ совершенно измѣнился въ физическомъ отношеніи. Прежде худощавый—теперь онъ не только пополнѣлъ, но сдѣлался даже толстѣ; щеки надулись и лицо округлилось; волосы онъ отпустилъ и стригъ въ кружокъ; они на бородѣ и головѣ посѣдѣли; губы сзудились и подбородокъ подался вверху, совсѣмъ не тотъ Глинка сталъ. Мнѣ казалось бы, что при исполненіи его памятника слѣдовало бы придерживаться прежняго его лица, а не послѣдняго, тѣмъ болѣе, что послѣдняя его наружность была ему присуща только въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ; всѣ же его знакомые и публика знали его въ прежнемъ видѣ, да прежде онъ былъ и красивѣе, чѣмъ подъ конецъ. Хотя Глинка и измѣнился физически, но характеръ остался тотъ же добрый, веселый, и даже я нашель, что онъ сталъ спокойнѣе.

Одинъ разъ онъ пригласилъ меня съ женою къ себѣ на уху и рѣзники, особенный родъ пироговъ, исключительно принадлежащій смоленской кухнѣ. Мы очень пріятно провели этотъ день, послѣдній въ нашей дружеской жизни, чего тогда мнѣ и въ голову не приходило, видя его совершенно здоровымъ. Послѣ обѣда Глинка много пѣлъ; познакомилъ со многими номерами «Двумужницы», которые мнѣ понравились; по моей просьбѣ пропѣлъ онъ: «Какъ сладко съ тобою мнѣ быть», и пропѣлъ неохотно и очень вяло, потому что не любилъ этого романса. Къ концу вечера онъ мнѣ сказалъ, что очень скоро уѣзжаетъ въ Берлинъ и хочетъ исключительно посвятить себя духовной музыкѣ.

Заключу нѣсколькими мыслями, которыя невольно рождаются при названіи Глинки, Брюлова и пр. Когда вдумашься въ Николаевской періодъ, то остаешься пораженнымъ тою плеядою великихъ, даже гениальныхъ талантовъ, которые онъ породилъ, и во главѣ которыхъ дружно выступаютъ Пушкинъ, Глинка, Брюловъ—поэзія, музыка, живопись; замѣчательно, что они почти во всѣхъ отношеніяхъ какъ бы вылиты по одному лекалу, всѣ три слишкомъ рано исчезли, и работали въ одной формѣ—всѣ трое были лирики (послѣднее объясняется духомъ тогдашняго времени).

Пушкинъ написалъ стихами только двѣ крупныхъ пьесы: «Онѣгина» и «Бориса Годунова», остальные его стихотворенія, большею частію, въ страстномъ или элегическомъ родѣ.

Глинкѣ написалъ двѣ оперы и множество романсовъ и пѣсенъ въ страстномъ или уныломъ родѣ.

Брюловъ—написалъ двѣ большія картины: «Послѣдній день Помпеи» и «Осаду Пскова» (не кончилъ) и также много мелкихъ картинъ (de chevalet) и портретовъ, изъ которыхъ каждый составляетъ картину; но у Брюлова до половины его произведеній не кончены. Это объясняется техникой искусства: медленность живописи масляными красками задерживаетъ мысль художника. Онъ принимался горячо, но потомъ, когда необходимо было оставить холстъ для просушки, охладѣвалъ въ работѣ, уже не возобновляя ее, и принимался за другой сюжетъ.

Около этихъ трехъ свѣтилъ, первой величины, вращались спутники настолько талантливые, что въ иное время могли бы сами считаться первоклассными; а иные изъ нихъ сдѣлались такими по смерти ихъ. Можно бы даже провести параллель между самыми этими спутниками.

Далѣе духъ времени измѣняется: является школа естественная; но изъ дѣятелей ея становится высоко только Гоголь и Даргомыжскій, котораго послѣднее произведеніе «Каменной гость» публика еще не слышала; а въ живописи ни одинъ талантъ рѣзко не выдѣлился изъ числа жанристовъ.

Но время существованія этой троицы искусства едва-ли возвратится; она составляетъ эпоху въ исторіи искусства, и желательно было-бы, чтобъ кто-нибудь серьезно занялся разработкою этой эпохи.

П. С.